
Николай Стэф
Ковчег

Николай Стэф

Ковчег

«Автор»
2026

Стэф Н.

Ковчег / Н. Стэф — «Автор», 2026

«Ковчег» — огромный корабль, уносящий двадцать тысяч колонистов к далёкому миру. После старта и пятнадцати лет размеренной жизни на борту вспыхивает неизвестный вирус. Чтобы спасти экипаж, восемнадцать тысяч человек погружают в гибернацию, а две тысячи добровольцев остаются поддерживать системы. Годы борьбы с вирусом, потери и тишина превращают корабль в машину, летящую без свидетелей. Когда реактор корабля оказывается на грани взрыва, ИИ нарушает протоколы и принудительно будит троих специалистов, зная, что пробуждение активирует вирус в их организмах и почти наверняка убьёт их. Инженер Илья и врач Елена, пытаются выиграть время: починить сердце корабля, замедлить болезнь и сохранить память о тех, кто остался. Но не все согласны с таким планом. Это научно-фантастическая драма о цене мечты, о людях, которые несут Землю с собой, и о надежде, что теплится даже в бесконечной тишине космоса.

© Стэф Н., 2026
© Автор, 2026

Николай Стэф
Ковчег

Глава 1

Капля конденсата сорвалась с потолка коридора и упала прямо на левый ботинок лейтенанта Марка Северина. Он не шевельнулся — стоял, глядя сквозь прозрачный сегмент переборки на тускло-серебристую громаду «Ковчега», и думал о бабушке. Её голос, записанный на старом чипе, до сих пор звучал в голове: «Мы не улетали от Земли, Марк. Мы несли её с собой».

Он коснулся кармана, где лежал чип с записью, и шагнул в сторону мостика. По пути мимо него пронеслись двое техников в синих комбинезонах. Один, высокий и рыжий, что-то кричал про давление в третьем контуре, размахивая планшетом. Второй, коренастый и молчаливый, только махал рукой — не до разговоров.

— Лейтенант! — рыжий техник на секунду остановился, едва не врезавшись в Марка. — Вы случайно не в курсе, почему датчик в третьем контуре скачет, как бешеный? Может, это опять те сбои после вчерашней тренировки?

Марк покачал головой:

— Я не в курсе, Лена. Я вообще из другого отдела. Спроси у Костина.

— У Костина сейчас голова занята кольцами, — отозвалась Лена, поправляя рыжую прядь, выбившуюся из-под зажима. — Ладно, прорвёмся. Сергей, пошли!

Сергей, коренастый, только кивнул и потянул её за рукав. Они умчались дальше по коридору, и их шаги гулко отдавались в металлических стенах.

На мостике было шумно и тесно. Капитан Екатерина Воронцова стояла у голографического дисплея, где пульсировала схема орбитальных ускорителей — несколько колец-сегментов, выстроенных в линию к точке Лагранжа. Рядом с ней инженер-физик Дмитрий Костин быстро щёлкал по виртуальным панелям, сверяя тайминги. Его худые пальцы летали над голограммой, словно играли на невидимом пианино.

— Дмитрий, скажи честно, — голос капитана звучал ровно, но в нём чувствовалось напряжение, — мы уверены, что эти кольца выдержат импульс? Это ведь разовая система. Ошибки быть не может.

Костин на секунду оторвался от экрана, посмотрел на неё, потом снова на панель.

— Выдержат. Они спроектированы именно под один запуск. Вся энергия — в одном рывке. Дальше «Ковчег» летит сам, на собственных двигателях. Это как выстрел из гигантской пушки: разогнал — и отпустил.

Воронцова чуть нахмурилась. Её тёмные брови сошлись к переносице, а на лбу появилась едва заметная складка.

— Мне не нравится слово «выстрел». Мы не стреляем людьми. Мы запускаем корабль с двадцатью тысячами жизней на борту.

— Простите, капитан, — Костин чуть смягчил тон, но в глазах у него всё равно прыгали бесенята. — Это просто аналогия. Но физика такая: либо мы сейчас получим нужную дельту скорости, либо будем ползти ещё дополнительные двести лет. А у нас нет двухсот лет запаса прочности. Корпус не выдержит. Я уже не говорю про системы жизнеобеспечения — они рассчитаны на сто двадцать лет максимум, и то при идеальных условиях.

Воронцова скрестила руки на груди:

— Значит, либо сейчас, либо никогда?

— Именно. Либо мы разгоняемся до крейсерской и долетаем за сто лет, либо остаёмся на орбите и ждём, пока всё развалится. Но тогда мы не долетим до цели. Мы просто умрём здесь, на месте, красиво и медленно.

— «Умрём здесь» — тоже не лучший вариант, — сухо заметила капитан. — Ладно, я поняла. Продолжай.

Марк остановился у края мостика, стараясь не мешать, но всё равно попал в поле зрения капитана. Воронцова заметила его и кивнула:

— Лейтенант, вы здесь по делу или просто хотите посмотреть на историю?

Марк вытянулся по стойке смирно, хотя внутри него всё сжалось от неожиданности.

— По делу, капитан. И… немного посмотреть.

Капитан чуть улыбнулась — не весело, а как будто вспоминая что-то своё. Уголки её губ дрогнули, а в глазах мелькнула тень.

— Тогда слушайте. Сейчас начнётся самое важное. И не мешайте Костину — он у нас главный по чудесам.

Костин усмехнулся, не отрываясь от панели:

— Главный по чудесам — это вы, капитан. А я так, главный по таймингам и нервным срывам.

— Твои нервные срывы мы лечим валерьянкой из аптечного отсека, — парировала Воронцова.

— Валерьянка закончилась ещё в прошлом месяце. Осталась только синтетическая мелисса, от которой меня клонит в сон.

— Значит, будешь бодриться собственным энтузиазмом.

Марк невольно улыбнулся. Он знал, что за этими шутками скрывается напряжение последних недель. Весь экипаж жил в корабле уже несколько лет, готовился к этому моменту очень давно. Это было необходимо, люди должны были заранее быть готовы, освоить полностью корабль и наладить на нём весь быт перед финальным рывком. Эту было необходимо, потому что, если что-то после ускорения пойдёт не так, им уже никто не сможет помочь.

Поэтому можно было с уверенностью сказать, что экспедиция началась уже много лет назад, пусть сам корабль только готовился стартовать. И вот этот момент настал.

Когда кольца вокруг «Ковчега» вспыхнут и дадут кораблю тот самый рывок, ради которого они строили их десятилетиями.

В этот момент по внутренней связи раздался голос диспетчера с орбитального кольца. Голос был молодым, звонким, но с заметной хрипотцой — видимо, диспетчер не спал вторые сутки.

— «Ковчег», это Кольцо-1. Подтверждаем готовность к первому импульсу. Сегменты готовы. Начинаем последовательную активацию: верхние, боковые, нижние. Повторяю: начинаем.

Костин мгновенно посерьёзнел:

— Принято, Кольцо-1. Начинайте по протоколу. Мы следим за телеметрией.

Он повернулся к капитану:

— Первое кольцо — самое лёгкое. Разгон будет плавным. Если всё пойдёт по плану, вибрация начнётся через минуту.

— Надеюсь, эта «минута» не растянется на час, — пробормотала Воронцова.

— Всё под контролем, — сказал Костин, но его пальцы на панели дрогнули.

На голограмме вспыхнули метки: сначала верхние сегменты, потом боковые, затем нижние — как лепестки гигантской диафрагмы. Внутри кольца пробежала волна синего света, и по всему кораблю прокатилась лёгкая вибрация, переходящая в нарастающий гул.

Марк почувствовал, как пол под ногами чуть дрогнул, а в ушах появился тонкий свист — будто кто-то провёл ногтем по стеклу, только громче. Он прижался лбом к холодному стеклу

иллюминатора и увидел, как по внутреннему проходу кольца бежит волна света — каждый импульс добавлял кораблю скорости.

Рядом с ним вдруг оказался Костин, который, кажется, заметил его взгляд.

— Красиво, правда? — сказал он, почти крича, чтобы перекрыть гул. — Это как дыхание машины. Каждый импульс — вдох, потом выдох, потом следующий вдох. Только эта машина дышит энергией.

— А что будет, когда мы пройдём все кольца? — спросил Марк, стараясь перекричать шум.

— Тогда мы выйдем на крейсерскую скорость. Дальше — только инерция. И надежда.

— Надежда? Звучит не очень научно.

— Наука — это когда ты знаешь, что будет. А когда не знаешь — остаётся надежда. И это тоже часть физики. Просто её ещё не описали уравнениями.

Тем временем на экране вспыхивали новые уведомления: Кольцо-2, Кольцо-3… Каждое кольцо давало новый импульс, и вибрация становилась всё сильнее. В переговорных каналах мелькали короткие фразы:

— Давление в норме.

— Температура в пределах допуска.

— Синхронизация подтверждена.

— Кольцо-3, у вас небольшая задержка на нижних сегментах. Проверьте.

— Принято, «Ковчег». Устраняем. Задержка в пределах допустимого.

Марк прислушивался к этим голосам и вдруг понял, что за каждым словом стоят люди. Техники, инженеры, диспетчеры — все они сейчас работали как единый организм, чтобы дать кораблю этот рывок. И никто из них не думал о себе. Все думали только о том, чтобы всё получилось.

Он вспомнил рассказы бабушки — о том, как выбирали планету: учёные нашли пригодный для жизни мир, но путь к нему занимал сотни лет. Как набирали экипаж: не просто по навыкам, а по готовности отдать целую жизнь металлической коробке ради внуков, которых они никогда не увидят. Как в переполненных антарктических городах люди стояли в очередях за местом в капсуле, зная, что это билет в один конец. И как в день старта у иллюминаторов стояли тысячи людей, и слёзы текли по щекам, потому что Земля удалялась, и никто не знал, увидят ли они её снова.

Он вспомнил её слова: «Мы верили, что не просто долетим. Мы верили, что построим общество без бедности и страха. Мечта была такой сильной, что затмевала даже страх перед пустотой».

И вдруг он понял, что именно в этом и была главная сила тех первых людей — в ослепительном оптимизме, который позволял им не замечать неудобных вопросов.

— Марк, ты чего застыл? — Костин тронул его за плечо. — Смотри, сейчас будет Кольцо-5. Самое мощное. Если уж оно не даст нам нужную скорость, то я не знаю, что даст.

— А если не даст?

— Тогда мы вернёмся к чертёжным доскам и будем думать, как жить дальше. Но я верю в эти кольца. Мы слишком долго их строили, чтобы они подвели.

На экране вспыхнули метки Кольца-5. Волна света пробежала по сегментам, и корабль содрогнулся так, что Марк едва устоял на ногах. Гул нарастал, становясь почти невыносимым. Казалось, ещё секунда — и металл не выдержит, треснет, разлетится на куски. Но вот свет померк, гул начал стихать, и в какой-то момент наступила странная тишина — не полная, а такая, когда остаётся только ровный гул двигателей и тихий шелест вентиляции.

Корабль медленно развернулся «носом в пустоту», и за иллюминатором уже не было Земли — только звёзды. Бесконечные, холодные, чужие.

Капитан Воронцова подошла к главному иллюминатору и долго смотрела на эту черноту. Её отражение в стекле казалось усталым и немного растерянным. Потом она повернулась к команде.

— Мы в пути, — сказала она тихо, но так, что все услышали. — Теперь наша задача — не просто лететь. Наша задача — сохранить то, ради чего мы стартовали.

Костин посмотрел на Марка и вдруг произнёс:

— Знаешь, что самое странное? Инженеры, которые строили эти кольца… они останутся в истории как первые жертвы мечты. Не потому, что погибли. А потому что их работа была нужна только один раз. Один рывок — и всё. Они построили самое грандиозное сооружение в истории человечества, а использовали его один раз. И больше никогда.

Марк кивнул, не зная, что сказать. Он снова коснулся кармана с чипом и подумал о бабушке. О том, что мечта была так сильна, что никто не позволил себе задать неудобный вопрос — что, если она хрупче корабля.

— А ты сам? — спросил он Костина. — Ты бы хотел, чтобы твоя работа использовалась один раз?

Костин задумался. Его лицо в свете звёзд казалось моложе, чем обычно.

— Я бы хотел, чтобы моя работа была нужна. Один раз или сто — не важно. Важно, чтобы она что-то меняла. Эти кольца изменили всё. Они дали нам шанс. А шанс — это уже много.

За иллюминатором звёзды мерцали, как маленькие обещания. И «Ковчег» плыл сквозь межзвёздную тьму, неся в себе двадцать тысяч надежд — и столько же страхов, которые пока ещё никто не хотел признавать.

Марк отошёл от иллюминатора и направился к выходу с мостика. В коридоре его снова встретила Лена — рыжая девушка техник, которая уже успела разобраться с датчиком.

— Ну что, лейтенант? — спросила она, улыбаясь. — Видели историю?

— Видел, — ответил Марк. — И даже немного в ней поучаствовал.

— Поучаствовал? Ты же просто стоял и смотрел.

— Иногда стоять и смотреть — это тоже участие. Особенно когда смотришь на что-то важное.

Лена хмыкнула:

— Философ. Ладно, пойдём в столовую. Говорят, сегодня дают настоящий кофе. Не синтетику, а тот, что берегли для особого случая.

— Правда? — удивился Марк. — И ты думаешь, его уже не разобрали?

— Я думаю, что если поторопимся, то успеем. Пошли!

Они вдвоём зашагали по коридору, и их шаги гулко отдавались в металлических стенах. За иллюминаторами плыли звёзды, и где-то в глубине корабля тихо гудели двигатели — ровно, спокойно, словно сердце, которое только что сделало первый удар после долгой паузы.

А Марк всё думал о бабушке. О том, что она была права: они не улетали от Земли. Они несли её с собой. В каждом из них, в каждом воспоминании, в каждой мечте. И пока они помнят об этом, «Ковчег» не просто летит — он живёт.

В столовой действительно пахло настоящим кофе. Марк взял свою чашку и сел за столик у окна. За окном была только чернота и звёзды. Но в этой черноте ему вдруг почудилось что-то родное — будто где-то там, в бесконечности, их уже ждали. И он улыбнулся.

— Ты чего? — спросила Лена, усаживаясь напротив.

— Просто подумал, что бабушка была бы рада. Мы всё-таки стартовали.

— Стартовали, — согласилась Лена. — И теперь нам остаётся только одно — лететь.

— И помнить, — добавил Марк.

— Согласна, — отозвалась она.

Они выпили свой кофе в тишине, и в этой тишине было что-то большее, чем просто тишина. В ней была надежда. И страх. И вера в то, что они справятся.

Глава 2

Марк Северин стоял на смотровой палубе технического яруса — там, где внешняя обшивка была видна почти вплотную сквозь бронестекло. Перед ним тянулся «Ковчег», будто две гигантские стрелы, сплетённые в едином полёте. Нос каждой стрелы был узким, чуть приподнятым, как клюв хищной птицы, готовый рассекать пустоту. Корпус плавно расширялся к середине, где сходились обе «стрелы», а потом переходил к корме, открывая три главных сопла — массивные, строгие, словно уста, из которых вырывалось дыхание корабля. Рядом с ними тонкими иглами торчали вспомогательные двигатели, почти незаметные, но готовые в любой миг подправить траекторию.

Марк стоял так уже минут двадцать. Он пришёл сюда сразу после смены, даже не заглянув в каюту, — будто что-то тянуло его к этому стеклу. Может быть, желание увидеть корабль целиком, а не изнутри, где всё распадалось на коридоры, панели, лампы и двери. Снаружи «Ковчег» был не набором отсеков, а единым существом. И это существо летело.

— Красиво, да? — рядом тихо появился Дмитрий Костин, инженер-физик, в том же синем комбинезоне, что и в день старта, только теперь на плече у него висел лёгкий планшет с текущими показателями. — Мы называем это «двойной стрелой». Так решили проблему балансировки: если бы корпус был единым и длинным, малейший перекос тяги мог бы его сломать. А так — две независимые балки, соединённые в центре. Как кости в крыле.

Марк кивнул, не отрывая взгляда от обшивки.

— А эти прожилки между панелями… медные?

— Тёмно-коричневые и медные — это магистрали. По ним течёт всё: хладагент, топливо, данные. Мы говорим, что это его кровеносная система. — Костин улыбнулся, будто сам радовался этой метафоре. — Видишь, как они идут по швам? Словно вены. А радиаторы — это лёгкие: они дышат, сбрасывают лишнее тепло в космос.

— А сердце? — спросил Марк, не оборачиваясь. — Где у него сердце?

— Сердце — реактор. Глубоко в корме, за тремя слоями защиты. Если честно, я туда стараюсь не заглядывать без повода. Там всё настолько серьёзно, что даже шутки не работают.

Марк всмотрелся в детали: сотни панелей светло-графитового композита, местами покрытые матово-чёрной керамикой, а кое-где — белыми теплозащитными сегментами, будто заплатками на коже. По стыкам тянулись тёмные и медные «прожилки», а между ними прятались люки, антенны, датчики, гармошки радиаторов. Полоса иллюминаторов шла вдоль борта, как ряд глаз, а остекление рубки днём казалось тёмным, почти непрозрачным, но изнутри горело тёплым янтарным светом.

— А это… — Марк указал на синеватое энергетическое кольцо, висевшее вокруг средней части корпуса, не касаясь обшивки. — Это и есть сердце?

Костин на секунду задумался.

— Сердце — это реактор. А кольцо… это скорее нервная система и гравитация в одном. Оно создаёт искусственную тяжесть, чтобы мы не жили в невесомости. Но да, без него корабль был бы просто мёртвым железом.

— Ты всегда так говоришь, когда не хочешь объяснять?

— Я так говорю, когда объяснение займёт три часа и всё равно никто не поймёт. — Костин усмехнулся. — Хочешь, проверим? Начну с уравнений поля, закончу тем, почему у нас в третьем контуре датчик иногда врёт.

— Уже слышал про третий контур, — сказал Марк. — Лена с утра носилась. Говорит, давление скачет.

Костин поморщился:

— Скачет — не то слово. Оно танцует. Но пока в пределах допуска. Мы проверяем.

— «Пока» — это твоё любимое слово?

— Нет. Моё любимое слово — «номинал». Но сегодня оно как-то не звучит.

Кольцо выглядело как нечто большее, чем механизм. Внутри него горела яркая, почти белая голубоватая жила, будто раскалённая струна, натянутая в пустоте. Вокруг неё лежал плотный кобальтово-синий слой, в котором медленно текли волокна и стояли волны, как в густой жидкости. Снаружи тянулась полупрозрачная аура, уходящая в фиолетово-индиговую дымку. По кольцу пробегали короткие вспышки, похожие на электрические разряды, и они отражались на корпусе: панели становились то ледяно-голубыми, то сапфировыми, то почти чёрными. Металлические кромки ловили свет тонкими циановыми нитями, и казалось, что корабль дышит светом.

Кольцо было чуть наклонено относительно оси корабля, и свет ложился на обшивку неровно: сверху — холодное сияние, снизу — глубокие тени. Марк заметил, как пыль вокруг кольца дрожит и медленно сползает к невидимой вертикали, а свет у краёв поля слегка искривляется.

— Оно… живое? — спросил Марк, почти шёпотом.

Костин пожал плечами, но в его взгляде мелькнуло что-то, будто он знал больше, чем хотел сказать.

— В каком-то смысле — да. Оно реагирует. Меняет баланс, подстраивается. Иногда мне кажется, что оно чувствует корабль. Но это не магия, это физика. Просто очень сложная.

— И ты в неё веришь?

— Я в неё работаю. Это разные вещи, но иногда они совпадают.

Марк хотел спросить ещё что-то, но Костин уже повернулся к планшету. По его лицу пробежала тень — короткая, но заметная.

— Что там? — спросил Марк.

— Ничего. Просто график. — Костин смахнул что-то на экране. — Пойдём, покажу тебе, как он устроен изнутри. Не только снаружи.

Они спустились на жилые уровни, где «Ковчег» раскрывался с другой стороны — не как машина, а как дом. В жилых блоках квартиры были устроены по модульному принципу: спальня, гостиная, кухня, санузел — всё компактно, но удобно. Мебель трансформировалась: кровать поднималась в стену, стол раскладывался, шкафы прятались в ниши. На стенах висели фотографии Земли и родных, которых многие никогда не увидят. Марк задержался у одного снимка: семья на фоне заснеженного парка, дети смеются, а на заднем плане — шпиль старого здания.

— Бабушка говорила, что Земля пахла снегом, — тихо сказал он. — Я никогда не понимал, как может пахнуть снег.

Костин остановился рядом.

— А я думаю, что снег пахнет тишиной. Такой, знаешь, когда всё вокруг замирает и становится чуть-чуть легче дышать.

— Ты философ.

— Я физик. Просто уставший.

— А устал от чего?

— От ожидания. — Костин прислонился к стене. — Знаешь, что самое тяжёлое в нашей работе? Не расчёты. Не ночные смены. А то, что мы готовимся к событию, которое случится один раз. И если мы ошибёмся, второго раза не будет. Я иногда просыпаюсь ночью и думаю: а вдруг я что-то упустил? Какая-нибудь мелочь. Один коэффициент. Одна цифра не там, где надо.

Марк посмотрел на него внимательнее, чем собирался.

— Ты проверял всё десятки раз.

— Десятки раз — это мало. Хорошие инженеры проверяют сотни. А параноики — тысячи. — Костин усмехнулся. — Я, видимо, где-то посередине. Но иногда мне кажется, что паранойя — это не болезнь, а квалификация.

— Тогда у нас всё в порядке. Потому что ты самый квалифицированный параноик на борту.

Костин хмыкнул:

— Спасибо. Наверное. Пойдём дальше, я покажу тебе оранжереи. Там сейчас как раз снимают урожай.

Они прошли через жилой сектор, где в коридорах играли дети. Двое мальчишек гоняли по полу самодельный мяч, сшитый из старых тряпок. Мяч скакал неровно, но мальчишки хохотали так, будто это был лучший мяч в галактике.

— Осторожно! — крикнул один из них, и мяч пролетел у самого лица Костина.

— Вы бы в спортзал шли, — сказал Костин, поймав мяч одной рукой.

— Там занято! — ответил мальчишка. — У них там турнир. Нам не дают.

— А вы, значит, решили турнир в коридоре устроить?

— Ага! — Мальчишка гордо выпятил грудь. — Мы тренируемся. Чтобы потом всех победить.

Костин бросил мяч обратно:

— Тогда тренируйтесь тише. А то выбьете кому-нибудь глаз, и вас отправят в медотсек вместо турнира.

— Не выбьем! — хором ответили мальчишки и умчались дальше по коридору.

Марк улыбнулся:

— Ты умеешь с ними разговаривать.

— Это не умение. Это привычка. У меня племянник такой же. Только ему двенадцать, и он уже знает, что хочет стать пилотом. — Костин помолчал. — Хотя куда ему летать? Здесь и летать некуда. Только по коридорам.

— Может, когда-нибудь долетим.

— Может. — Костин кивнул. — Если всё получится.

В общественных столовых пахло свежей выпечкой и зеленью — продукты шли из гидропонных оранжерей. Люди завтракали, обсуждали планы на день, смеялись. Дети бежали по коридорам, учителя собирали группы, инженеры сверяли графики, врачи проверяли показатели здоровья экипажа. Жизнь шла своим чередом.

В школе дети второго поколения изучали историю Земли и основы космоплавания. Они знали, что их прадеды стартовали с планеты, которую они никогда не увидят, но для них Земля была не абстракцией, а чем-то личным — через фотографии, рассказы, фильмы. После уроков они бежали в парковые зоны, где под искусственным небом росли растения, а вдоль одной стены было сделано «окно в космос» — прозрачный сегмент, через который можно было смотреть на звёзды. По вечерам школьники собирались там, молча глядя в бесконечность, и мечтали увидеть настоящее небо.

Марк заглянул в класс, где шёл урок истории. Учительница, невысокая женщина с седыми волосами, стояла у интерактивной доски, на которой медленно вращалась голограмма Земли.

— Итак, — говорила она, — кто мне скажет, почему проект «Ковчег» был признан необходимым?

Лес рук. Она кивнула мальчику на первой парте.

— Потому что Земля умирала, — сказал он уверенно. — Из-за климата, войн и перенаселения.

— Не совсем так, — мягко поправила учительница. — Земля не умирала. Земля болела. А мы были не лекарством, а переселенцами. Мы не спасали планету. Мы искали дом, в котором сможем жить иначе.

Девочка с косичками подняла руку:

— А мы вернёмся когда-нибудь?

В классе стало тихо. Учительница посмотрела на голограмму, потом на детей.

— Не знаю, — честно сказала она. — Но если вернёмся, то принесём с собой всё, чему научились здесь. И это будет уже другая Земля.

— А какая? — не унималась девочка. — Лучше?

— Надеюсь, что лучше. Но это зависит не от планеты. Это зависит от нас.

Мальчик с задней парты поднял руку:

— А почему мы не остались? Ну, на Земле? Можно же было как-то всё исправить?

Учительница задумалась, будто ждала этого вопроса очень давно.

— Можно было, — сказала она наконец. — Но исправлять нужно было всем вместе. А люди к тому времени уже не умели быть вместе. Каждый тянул одеяло на себя. И тогда нашлись те, кто решил: лучше начать заново, чем тянуть старое в никуда.

— А те, кто остался? — спросил тот же мальчик. — Они что?

— Они остались. И мы не знаем, что с ними стало. — Учительница тихо добавила: — И это, наверное, самое страшное из всего, что мы знаем и не знаем.

Марк отошёл от двери. В горле почему-то стало сухо.

— Тяжёлый разговор, — заметил Костин, который тоже задержался у двери. — Я всегда думал, что наши дети должны знать правду. Но иногда мне кажется, что правда — это слишком взрослая вещь для них.

— Они справятся, — сказал Марк. — Наши дети с рождения живут в металлической коробке между звёздами. Они привыкли к сложным ответам.

— Может быть. — Костин пожал плечами. — Пойдём. Мне нужно ещё заскочить в оранжерею, проверить датчики влажности.

Они прошли в парковую зону. Здесь под искусственным небом рос настоящий лес — невысокий, но густой. Растения тянулись к лампам, и в воздухе стоял плотный, тёплый запах земли и листвы. Люди сидели на скамейках, кто-то читал, кто-то просто спал, запрокинув голову.

— Знаешь, что мне здесь нравится? — сказал Марк. — Что здесь можно забыть, где ты находишься.

— В этом и смысл, — ответил Костин. — Если бы мы всё время помнили, что мы в летящей жестянке, мы бы сошли с ума. А так — можно представить, что ты в парке. На Земле. Где-нибудь в тихом месте, где нет ветра.

— А ветер у нас есть?

— В оранжереях есть. Слабый. Но есть. Специальные вентиляторы создают движение воздуха, чтобы растения правильно росли. Иногда я прихожу сюда и закрываю глаза. И представляю, что это настоящий ветер.

— И что?

— И почти получается. Почти.

Вечером в «Ковчеге» было шумно и уютно: в спортзалах гремели мячи, в залах крутили старые фильмы, в кафе играли настольные игры, а в парковых зонах устраивали концерты и спектакли. Отмечали дни рождения, играли свадьбы, радовались рождению детей. Это был обычный день на корабле — размеренный, предсказуемый, почти идеальный.

Марк сидел в одном из кафе, пил тёплый чай и смотрел, как молодая пара танцует под живую музыку. Рядом смеялись дети, кто-то читал книгу, кто-то писал письмо, которое нико-

гда не будет отправлено. И в этот момент он почувствовал, как сильно любит этот мир — не Землю, а именно «Ковчег»: его свет, его гул, его ритм, его людей.

— Можно? — Лена опустилась на стул напротив, держа в руках чашку с чем-то тёмным. — Ты выглядишь так, будто сейчас начнёшь стихи читать.

— Может, и начну, — сказал Марк. — Ты вовремя.

— Только не про звёзды. Я сегодня весь день слушала про звёзды от Костина.

— А что он говорил?

— Что звёзды — это не романтика, а навигационные точки. И что если мы собьёмся с курса, то ближайшая точка навигации будет — через тридцать лет. — Она передёрнула плечами. — После такого как-то не до стихов.

— Тридцать лет — это не так уж много, — сказал Марк. — По меркам вселенной.

— По меркам вселенной, может, и нет. А по моим — очень много. — Лена сделала глоток. — Я вообще не понимаю, как люди решились. Как наши родители решились. Только расчёты на бумаге и вера.

— У них была мечта, — сказал Марк. — Бабушка говорила, что мечта была сильнее страха.

— А что сильнее мечты?

— Наверное, правда. — Марк помолчал. — Но её обычно узнают в конце.

— Философ, — усмехнулась Лена. — Ладно, философ. Как тебе вечер?

— Хороший. — Марк обвёл взглядом кафе. — Смотри, как они танцуют. Будто завтра ничего не случится.

— А что должно случиться?

— Не знаю. — Марк нахмурился. — Просто в последнее время у меня такое чувство… будто мы что-то забыли. Что-то важное. Только не могу понять, что.

— Может, ты просто устал, — предположила Лена. — У нас у всех сейчас нервы на пределе. Все ждут. А ожидание — это тоже нагрузка.

— Может быть. — Марк отпил чай. — А что с третьим контуром?

Лена поморщилась:

— Всё ещё скачет. Костин говорит, что это фантомный шум от кольца. Но мне не нравится.

— Почему?

— Потому что фантомный шум не должен пахнуть горячим металлом. А у нас в третьем контуре пахнет. Слегка. Но пахнет.

— Ты говорила об этом Костину?

— Говорила. Он сказал, что проверит.

— И что?

— И ничего. Он проверил, сказал, что всё в норме. А запах остался.

Марк посмотрел на неё внимательнее:

— Ты думаешь, он что-то скрывает?

— Не знаю. Может, не скрывает, а просто не хочет сеять панику. — Лена поставила чашку. — Знаешь, что самое неприятное? Что мы летим в железной коробке, и, если что-то пойдёт не так, мы даже не сможем выйти и посмотреть, что случилось. Нам останется только верить тем, кто на мостике.

— А ты им веришь?

— Капитану — да. Костину — да. Но верю и боюсь одновременно. Это нормально, я думаю.

— Нормально, — согласился Марк. — Ненормально было бы не бояться.

Музыка стихла не резко, а будто кто-то медленно убрал звук. Скрипач опустил смычок, гитарист убрал руки со струн. Люди в кафе начали переглядываться. Кто-то засмеялся, думая, что это часть выступления. Но смех быстро увял.

Через секунду по внутренней связи раздался голос Костина — спокойный, но с той самой интонацией, от которой у Марка похолодели пальцы:

— Внимание. Технические службы, третий контур. Давление падает. Повторяю: давление падает. Всем остальным — оставаться на местах и не создавать панику. Капитан, прошу на мостик.

Лена вскочила.

— Я же говорила, — прошептала она. — Я же говорила.

— Лена, сядь, — сказал Марк, хотя сам уже стоял.

— Я не могу сидеть. Мне нужно туда.

— Тебе сказали оставаться на месте.

— Мне сказали не создавать панику. А я не паникую. Я иду работать. — Она уже шла к выходу, на ходу застёгивая комбинезон. — Если хочешь помочь — иди за мной. Но если хочешь сидеть — сиди.

Марк на секунду замешкался, потом пошёл за ней.

В коридоре уже было движение. Техники бежали в сторону третьего контура, кто-то тащил инструменты, кто-то кричал в переговорник. Свет мигал, но не гас. Где-то в глубине корабля глухо, тяжело ударило — будто «Ковчег» вздрогнул во сне. Марк почувствовал, как пол под ногами чуть дрогнул, и в этот момент понял: всё, что было раньше — красивые слова, мечты, философия, — всё это сейчас сжимается в одну точку. В один вопрос: выдержит ли корабль?

В кафе за его спиной дети замолчали. Музыкант уронил руку на струны, и гитара издала короткий, оборванный звук.

Всё было размеренно и предсказуемо. Пока не пришла беда, совсем не откуда её ждали.

Глава 3

Первые пятнадцать лет полёта шли по плану — ровно, как часы. По расчётам учёных, путешествие должно было занять ровно три поколения, и поначалу казалось, что математика не врёт. Смены сменялись, рождались дети, знания передавались от старших к младшим, будто корабль сам бережно хранил ритм человеческой жизни. На «Ковчеге» даже появилась особая примета: если в парковой зоне в один день рождалось трое малышей, инженеры шутили, что гравитационное кольцо «улыбнулось».

Марк Северин как раз сидел в одной из таких зон, когда услышал первые тревожные слухи. Он устроился на низкой скамейке под искусственной яблоней, держал в руках кружку с остывшим чаем и смотрел, как двое малышей гоняют по дорожке мяч. Рядом их мать что-то шила, напевая себе под нос. Всё было спокойно. Слишком спокойно, как оказалось потом.

Молодая медсестра, почти девочка, торопливо шла по коридору, шепча кому-то в коммуникатор:

— У Петрова температура сорок и кровь из носа…, и он не помнит, как попал в отсек. Говорит, что шёл в столовую, а очнулся уже в медблоке. Спрашивает, где его смена.

Марк тогда не придал этому значения — на корабле всегда что-то случалось: скачки давления, сбои вентиляции, бытовые травмы. Люди падали на ровном месте, обжигались на кухне, резали руки о панели. Медблок работал круглосуточно, и это было нормально. Ненормальным было только одно: медсестра говорила шёпотом, будто боялась, что её услышат.

Он окликнул её:

— Лена, что случилось?

Она обернулась, и Марк увидел, что у неё дрожат руки.

— Ничего. Пока ничего. Просто Петров… — Она запнулась. — Он из моего сектора. Хороший мужик. Вчера ещё смеялся, рассказывал, как его сын научился рисовать кольцо. А сегодня… — Она махнула рукой. — Я не знаю. Может, просто переутомление. У нас все переутомлены.

— Может, — согласился Марк. — Если что-то серьёзное, дай знать.

— Дам. — Она уже шла дальше, на ходу набирая что-то на коммуникаторе.

Уже через сутки слухи перестали быть слухами.

В инженерном отсеке началось то, что позже назовут «первой волной». У нескольких человек одновременно поднялась высокая температура, сознание стало путаным, будто реальность для них рассыпалась на отдельные, плохо связанные фрагменты. Потом пошли кровотечения — сначала из носа, потом из ушей. Люди падали прямо у пультов, не успевая позвать на помощь.

Марк был в тот день на смене в третьем контуре — том самом, где уже несколько недель «танцевало» давление. Он держал планшет и сверял показания, когда за спиной раздался глухой стук. Обернулся. Техник по фамилии Гринько лежал на полу лицом вниз, и из-под его головы медленно расползалась тёмная лужица.

— Гринько! — Марк бросился к нему, перевернул. Лицо техника было бледным, губы синими, а из носа текла кровь — густая, почти чёрная. — Держись, слышишь? Держись!

Гринько открыл глаза. Они были мутными, будто он смотрел сквозь мутное стекло.

— Марк… — прошептал он. — А где… где кольцо? Я не вижу кольца. Оно же должно быть… должно…

— Какое кольцо? — Марк уже вызывал медиков. — Гринько, какое кольцо?

— Гравитационное… — Техник слабо улыбнулся. — Оно же улыбнулось. Ты видел? Оно улыбнулось…

К вечеру Гринько был в медблоке. К утру его не стало.

Через месяц счёт шёл уже на сотни.

Карантин ввели мгновенно, но он не помог. Вирус передавался воздушно-капельным путём, и герметичные переборки не спасали: вентиляция связывала отсеки, а фильтры не задерживали то, что было меньше молекулы. Изоляция заболевших лишь множила панику: люди слышали крики за переборками, видели, как медики в защитных костюмах уводят соседей, и понимали — это не сбой системы, это что-то живое, и оно уже внутри.

В коридорах появились очереди. Не за едой — за масками. Потом за лекарствами. Потом просто за информацией, потому что информация стала дороже еды.

Марк шёл по жилому уровню и видел, как люди прижимаются к стенам, уступая друг другу дорогу. Раньше здесь всегда было шумно, кто-то обязательно окликал, кто-то предлагал чаю. Теперь все смотрели в пол. Будто в полу было что-то важное.

— Марк! — Костин догнал его у поворота. Выглядел он неважно: глаза красные, щетина, комбинезон помят. — Ты уже слышал?

— Слышал. Гринько.

— Не только Гринько. Уже двенадцать человек в моём секторе. И это только те, о ком я знаю. — Костин понизил голос. — Марк, это не просто болезнь. Это что-то… Я смотрел данные. Оно распространяется не как грипп. Оно распространяется как… как будто знает, куда идти.

— Что это значит?

— Это значит, что я не понимаю, что это. А когда я чего-то не понимаю, я начинаю бояться. А когда я начинаю бояться, я начинаю считать. И цифры мне не нравятся.

Они дошли до медблока. У входа стояли двое в серебристых костюмах биозащиты, и Марк не сразу узнал в них знакомых медиков. Лица скрывали шлемы, и от этого казалось, что перед ним не люди, а машины.

— Внутрь нельзя, — сказал один из них механическим голосом. — Карантин.

— Я к врачу Корнееву, — сказал Марк. — Он меня знает.

— Корнеев занят.

— Тогда передайте ему, что пришёл Северин. По делу.

Пауза. Потом второй охранник кивнул и скрылся за дверью. Через минуту вышел врач — тот самый Корнеев, которого Марк знал по имени. Теперь он был безликой фигурой в шлеме, и только по голосу можно было понять, что это он.

— Что это? — спросил Марк, чувствуя, как голос звучит слишком громко в звенящей тишине коридора.

— Мы не знаем, — ответил врач, и в его голосе не было привычной уверенности. — Он мутирует быстрее, чем мы успеваем его описать. Мы секвенируем геном, а через шесть часов он уже другой.

— Но откуда он взялся?

— Гипотеза: земной вирус, который годами жил в ком-то бессимптомно. В замкнутой среде, под воздействием космической радиации, которая периодически проникает в отдельные отсеки… он проснулся. И стал другим.

Марк вспомнил энергетическое кольцо, его мерцающие вспышки, искривление света у краёв. Ему вдруг стало холодно.

— Ты хочешь сказать, что кольцо…

— Я ничего не хочу сказать, — резко перебил Корнеев. — Я говорю только то, что вижу. И то, что вижу, мне не нравится.

— Что ты видишь?

— Он атакует нервную систему, — сказал врач, и голос его стал тише. — И убивает не сразу. Даёт время. Это самое страшное: человек ещё может говорить, просить воды, узнавать родных… а потом просто перестаёт дышать. Смертность приближается к девяноста процентам.

— Девяноста? — Марк почувствовал, как пол под ногами качнулся. — Ты уверен?

— Я не уверен ни в чём. Может, восемьдесят. Может, девяносто пять. Мы считаем по тем, кто уже умер, а те, кто ещё болен, пока живы. Но динамика… — Он замолчал. — Динамика плохая, Марк. Очень плохая.

— А дети?

— Дети болеют так же. Может, чуть легче переносят. Но умирают так же.

Марк прислонился к стене. В голове было пусто и гулко, как в отсеке без воздуха.

— Что мы можем сделать?

— Мы? — Корнеев горько усмехнулся, хотя за шлемом этого не было видно. — Мы можем мыть руки, носить маски и молиться, чтобы это оказалось не тем, чем кажется. А я могу продолжать секвенировать геном и надеяться, что однажды он перестанет меняться.

— А если перестанет?

— Тогда у нас появится шанс. Маленький. Но шанс.

Марк вышел из медблока и долго стоял в коридоре, глядя на закрытую дверь. Мимо него проходили люди в масках, кто-то кашлял, кто-то плакал. Мир, который ещё неделю назад казался почти идеальным, трещал по швам.

Экстренное совещание командования проходило в тактической комнате, где на голографической доске появлялись и перечёркивались варианты. Каждый новый пункт перечёркивали красным — как приговор.

«Изолировать все отсеки» — невозможно: вентиляция.

«Отключить вентиляцию» — смерть от удушья.

«Использовать существующие фильтры» — вирус слишком мал.

«Вакцина» — нет времени на разработку.

Капитан Воронцова стояла у доски и смотрела, как гаснут варианты. Её лицо было спокойным, но в глазах читалось то, чего она не позволяла себе произнести вслух: они проигрывают.

— Сколько у нас времени? — спросила она, не оборачиваясь.

Главный врач, пожилой мужчина с усталым лицом, пожал плечами:

— По нашим расчётам — от трёх до пяти недель. Если вирус будет распространяться с той же скоростью. Если он не ускорится.

— А он ускорится?

— Скорее всего.

Воронцова медленно кивнула.

— Значит, три недели. Может, меньше. — Она повернулась к собравшимся. — Кто-нибудь может предложить что-то, что ещё не перечёркнуто?

Тишина. Люди смотрели в пол, в доску, в свои планшеты. Кто-то нервно постукивал пальцами по столу.

— Есть ещё один вариант, — тихо сказал Дмитрий Костин.

Все обернулись к нему.

— Гибернация.

В комнате стало ещё тише.

— На корабле двадцать тысяч капсул эвакуации, — продолжил Костин, будто читал лекцию, а не предлагал отчаянный шаг. — Они рассчитаны на аварийную эвакуацию и посадку, но технически их можно перенастроить в режим гибернации. Если мы поместим туда всех людей, в герметичных капсулах они не будут дышать общим воздухом. Вирус не доберётся.

— И кто будет поддерживать системы корабля? — спросила Воронцова.

Костин помолчал.

— Две тысячи человек, в скафандрах. Достаточно, чтобы следить за реактором, гравитацией, жизнеобеспечением. Остальные… уйдут в сон.

В комнате повисла тишина. Никто не хотел произносить вслух, что это значит: восемнадцать тысяч человек будут спать, пока две тысячи будут жить — и, возможно, умирать — в бодрствующем мире.

— Это безумие, — сказал кто-то из офицеров. — Вы предлагаете заморозить почти всё население корабля?

— Я предлагаю не заморозить, а спасти, — ответил Костин. — Разница есть.

— А если что-то пойдёт не так? Если капсулы откажут?

— Тогда мы все умрём. Но если мы ничего не сделаем, мы умрём и так. — Костин посмотрел на капитана. — Кать, ты знаешь, что я не люблю громких слов. Но это единственный шанс. Не спасти всех — спасти хоть кого-то.

Воронцова долго молчала. Потом спросила:

— Сколько времени нужно на переоборудование?

— Если работать круглосуточно — две недели. Может, десять дней. У нас есть люди, которые знают эти капсулы лучше, чем свои каюты.

— А вирус?

— Вирус не будет ждать. Но у нас нет выбора. — Костин развёл руками. — Либо мы успеем, либо не успеем.

Воронцова обвела взглядом комнату. Её глаза остановились на каждом по очереди, будто она запоминала лица.

— Голосуем, — сказала она. — Кто за гибернацию?

Руки поднялись не сразу. Кто-то медлил, кто-то смотрел на соседа, будто искал поддержки. Но в конце концов поднялись все.

— Принято, — сказала Воронцова. — Костин, ты отвечаешь за переоборудование. Медики — за отбор. Остальные — за порядок. И ещё одно. — Она сделала паузу. — Никто не должен узнать об этом раньше времени. Люди и так на грани. Если они поймут, что мы собираемся уложить их в капсулы…

— Бунт, — закончил кто-то.

— Именно. Мы объявим всё, когда будем готовы. Не раньше.

Инженеры работали без перерывов. Перепрошивка систем шла волнами: сначала тестировали одну капсулу, потом десяток, потом сотню. Марк помогал там, где мог — носил кабели, держал панели, слушал короткие, рубленые команды. Он видел, как лица людей становились серыми от усталости, но никто не уходил.

Однажды он застал Лену — ту самую медсестру — в коридоре у медблока. Она сидела на полу, прижавшись спиной к стене, и смотрела в пустоту.

— Лена?

Она подняла голову. Глаза у неё были красные, но сухие.

— Я больше не могу, Марк, — сказала она тихо. — Я не могу смотреть, как они умирают. Я не могу говорить им, что всё будет хорошо, когда я знаю, что не будет. Я не могу…

Марк сел рядом с ней на пол.

— Сколько ты уже на смене?

— Двадцать часов. Может, больше. Я сбилась.

— Тебе надо поспать.

— А смысл? — Она усмехнулась. — Я закрою глаза и увижу их лица. Тех, кто был сегодня. Тех, кто будет завтра. — Она помолчала. — Знаешь, что самое страшное? Не смерть. Самое страшное — это когда они начинают вспоминать. Они вспоминают Землю, детство, родителей. Они рассказывают мне про снег, про море, про то, как пахло лето. И я слушаю. А потом они замолкают. И всё.

Марк не знал, что сказать. Он просто сидел рядом.

— Ты знаешь про капсулы? — спросила Лена вдруг.

— Знаю.

— И что ты думаешь?

— Я думаю, что это шанс.

— Шанс для кого? — Она повернулась к нему. — Для тех, кто уснёт? Или для тех, кто останется?

— Для всех. Может быть, для всех.

— А ты пойдёшь в капсулу?

Марк задумался. Честно задумался, впервые за всё время.

— Я не знаю, — признался он. — Я хочу быть полезным. Но я не знаю, где я буду полезнее — там или здесь.

— Здесь, — сказала Лена уверенно. — Ты нужен здесь. Ты умеешь говорить с людьми. А нам сейчас очень нужны те, кто умеет говорить.

Она встала, отряхнула комбинезон и пошла обратно в медблок. Марк проводил её взглядом.

Капсулы готовили в зале, который раньше назывался «ангар аварийного спасения». Теперь его переименовали в «зал гибернации», хотя вслух это слово никто не произносил. Ряды серебристых ячеек тянулись до самого потолка, будто гигантский улей. Каждая капсула была рассчитана на одного человека, с системой жизнеобеспечения, датчиками, автодоком. Сейчас они выглядели не как спасение, а как нечто пугающее — как гробы, которые ещё не закрыли.

Марк однажды ночью зашёл туда один. Просто чтобы посмотреть. Он шёл вдоль рядов и читал таблички: «Северин М. А.» — нет, это была другая табличка, с другой фамилией. Он искал свою. Нашёл в третьем ряду, у самой стены. «Северин М. В.». Его капсула. Пустая. Пока пустая.

К нему подошёл Костин, держа в руках планшет с текущими цифрами.

— Почти готово, — сказал он, но голос звучал так, будто он сам не верит в эти слова. — Восемнадцать тысяч капсул переведены в режим гибернации. Осталось только… уложить людей.

— А две тысячи? — спросил Марк.

— Это добровольцы. Те, кто останется.

— И ты?

Костин помолчал.

— Я остаюсь. Кто-то же должен следить за кольцом.

— Ты уверен?

— Нет. — Он усмехнулся. — Но кто-то должен. И я знаю эту машину лучше всех. Если что-то пойдёт не так, я смогу починить. Наверное.

Марк посмотрел на ряды капсул и вдруг понял, что не хочет быть среди тех, кто останется. Но и не хочет быть среди спящих. Он хотел, чтобы этого выбора вообще не существовало.

— Знаешь, о чём я думаю? — сказал он. — О бабушке. Она говорила, что мы несли Землю с собой. А теперь получается, что мы несём её в капсулах. Восемнадцать тысяч спящих людей — и каждый из них несёт в себе кусочек Земли.

— Красиво сказал, — тихо отозвался Костин. — Только вот в капсулах люди не несут ничего. Они просто спят. А несут те, кто остаётся.

Когда всё было готово, на корабль обрушилась новая волна тишины — не спокойной, а тяжёлой, будто воздух стал гуще. Люди шли к капсулам, как на ритуал: кто-то держался за руки, кто-то нёс с собой маленькие вещи — фотографию, игрушку, старый чип. Дети спрашивали: «Мы проснёмся?» — и взрослые отвечали: «Да», хотя никто не знал наверняка.

У входа в зал стояла женщина с двумя детьми. Мальчику было лет семь, девочке — пять. Мальчик держал в руках рисунок — кривоватое кольцо вокруг кривоватого корабля.

— Это мы, — объяснил он. — Вот корабль, вот кольцо, а вот мы все внутри.

— Красиво, — сказал Марк, присаживаясь рядом. — Ты сам нарисовал?

— Сам. Мама сказала, что мы уходим спать, и я подумал, что надо оставить что-то на память. — Мальчик посмотрел на него серьёзно. — А вы будете спать?

— Я пока не знаю.

— А я боюсь, — тихо сказала девочка. — Там темно.

— Там будет не темно, — сказал Марк. — Там загорятся огоньки. И будет тепло. Как в кровати, только лучше.

— А если я не проснусь?

Марк посмотрел на её мать. У женщины было лицо человека, который уже выплакал все слёзы и теперь просто ждёт.

— Ты проснёшься, — сказал Марк. — Обязательно. А когда проснёшься, мы все вместе посмотрим на звёзды. Договорились?

Девочка кивнула и спрятала лицо в материнскую юбку.

Капсулы закрывались одна за другой. Внутри загорались мягкие огни, системы начинали отсчёт, и люди медленно уходили в сон, будто проваливались в тёмную воду.

На мостике капитан Воронцова смотрела на экраны, где гасли отметки — один за другим. Её лицо было каменным, но пальцы, сцепленные за спиной, побелели. Наконец, она повернулась к оставшимся.

— Восемнадцать тысяч ушли в сон, — сказала она ровным голосом. — Две тысячи остаются. Всем оставшимся одеть скафандры, будем работать в них, уверена это нам даст время. Наша задача — не просто поддерживать системы. Наша задача — сохранить то, ради чего мы стартовали. Даже если сейчас это кажется невозможным.

Костин стоял рядом с ней, и на его планшете горела зелёная строчка: «Гибернация завершена. Все капсулы в норме».

— Капитан, — сказал он тихо. — Мы справились.

— Мы начали, — поправила она. — Это только начало.

Марк стоял у края мостика и думал о бабушке, о её словах: «Мы несли Землю с собой». Теперь Земля казалась далёкой и чужой, а «Ковчег» — единственным домом, который у них остался. Но дом этот был болен.

Он посмотрел на свой планшет. Там всё ещё висела табличка: «Северин М. В. — капсула свободна». Он не был в числе тех, кто ушёл в сон. Но и не был в числе тех, кто остался по-настоящему — тех, кто знал, что делает. Он был где-то посередине. Как всегда.

— Ты чего? — Костин подошёл, встал рядом. — Смотришь на свою капсулу?

— Смотрю.

— И что видишь?

— Не знаю. — Марк помолчал. — Может, я зря не лёг. Может, от меня здесь больше вреда, чем пользы.

— Глупости, — сказал Костин. — Ты нужен здесь. И не только потому, что умеешь носить кабели. Ты умеешь помнить. А это сейчас важнее, чем всё остальное.

— Помнить?

— Да. Кто-то же должен помнить, как всё было. Как мы жили до вируса. Как смеялись, как танцевали, как отмечали дни рождения. Если мы забудем — мы станем просто экипажем в железной коробке. А мы не просто экипаж. Мы — люди. И пока мы помним, мы остаёмся людьми.

Марк посмотрел на него.

— Ты сегодня какой-то очень философский.

— Я сегодня очень уставший. А уставшие люди либо молчат, либо говорят правду. — Костин хлопнул его по плечу. — Пойдём. Нам ещё нужно проверить, как работают системы с половиной экипажа.

Красота этой машины скрывала первую трещину катастрофы — а трещина была не в металле. Она была в воздухе, в каждом вдохе, в том, что нельзя увидеть, но можно почувствовать.

Марк шёл по коридору следом за Костиным и впервые за долгое время поймал себя на мысли, что не боится. Не потому, что стало легче. А потому, что теперь у них был план. Пусть отчаянный, пусть опасный, но план. А план — это уже не пустота. Это дорога.

За иллюминаторами по-прежнему мерцали звёзды. Холодные, далёкие, чужие. Но теперь Марк смотрел на них иначе. Он думал о том, что где-то там, в восемнадцати тысячах капсул, спят люди. И они проснутся. Обязательно проснутся.

Он коснулся кармана с бабушкиным чипом и тихо сказал:

— Мы несём её с собой. Даже сейчас. Даже во сне.

Корабль летел дальше, и в его металлическом чреве было тихо — так тихо, как не было никогда за пятнадцать лет. Но это была не мёртвая тишина. Это была тишина перед пробуждением.

Глава 4

Время на «Ковчеге» стало измеряться не днями, а сменами. Две тысячи добровольцев в скафандрах, оставшихся на борту, растянули свой подвиг на годы — будто бежали бесконечный марафон по замкнутому коридору, где стены не менялись, а ноги всё тяжелее отрывались от пола. Их единственная надежда была на ИИ корабля: после того как восемнадцать тысяч человек ушли в гибернацию, освободившиеся вычислительные мощности должны были позволить ему за несколько месяцев синтезировать вакцину.

Сначала всё выглядело как управляемый процесс. Системы перераспределили ресурсы, ИИ выдал первые отчёты: «Оптимизация завершена. Выделение 87% мощностей на биомоделирование. Прогноз: вакцина возможна в течение 36–48 месяцев». Эти строки повторялись в каждом докладе, и поначалу они звучали как обещание.

На третьей смене после начала гибернации Костин собрал всех в кают-компании — не потому, что было что-то срочное, а потому, что людям нужно было услышать хоть что-то, кроме собственных мыслей. Он стоял у экрана, где светилась та самая строка, и читал её вслух, будто она была стихотворением.

— «Оптимизация завершена. Выделение восьмидесяти семи процентов мощностей на биомоделирование. Прогноз: вакцина возможна в течение тридцати шести — сорока восьми месяцев».

В зале сидело человек тридцать. Кто-то кивал, кто-то смотрел в стол, кто-то держал в руках кружку с остывшим чаем и не пил.

— Тридцать шесть месяцев, — повторила женщина из энергоотсека. — Это три года. Мы продержимся три года?

— Мы продержимся столько, сколько нужно, — сказал Костин. — У нас есть всё: воздух, вода, еда, энергия. Наша задача — не мешать машине работать.

— А если она не справится? — спросил молодой техник с заднего ряда.

Костин помолчал. Он мог бы соврать, но врать он не умел — вернее, умел, но считал это ниже своего достоинства.

— Тогда мы будем думать, что делать дальше, — сказал он. — Но пока она работает, мы работаем тоже. Каждую смену. Каждый день. Договорились?

Люди закивали. Не потому, что поверили, а потому, что им нужен был кто-то, кто скажет: «Договорились». Даже если это слово ничего не значило.

Марк Северин стоял в отсеке контроля капсул и смотрел на ряды спящих. В одной из них лежал его отец — спокойный, почти улыбающийся во сне, будто ему снилось что-то хорошее. Рядом с капсулой Марк оставил маленький бумажный листок: «Я вернусь. Обязательно». Он не знал, правда ли это, но ему нужно было написать хоть что-то.

Он стоял там уже минут двадцать, когда услышал за спиной шаги. Обернулся. Лина — женщина из энергоотсека, худая, с коротко стриженными волосами и усталыми глазами, — подошла к соседнему ряду и остановилась у капсулы. Её мужа.

— Каждый раз одно и то же, — сказала она, не оборачиваясь. — Прихожу и стою. Как дура.

— Не как дура, — сказал Марк. — Как человек.

— А есть разница?

— Иногда.

Лина коснулась стекла костяшками пальцев — коротко, будто проверяя, что холод всё ещё настоящий.

— Знаешь, что он мне сказал перед тем, как лечь? — спросила она. — «Не геройствуй». Вот так, прямо: «Не геройствуй, Лина. Просто пошли со мной». А я не пошла и вот теперь стою здесь и геройствую. Каждую смену.

— Это не геройство. Это работа.

— Работа — это когда тебе платят. А тут платят только тем, что ты ещё дышишь. — Она усмехнулась. — Плохая валюта, Марк. Обесценивается быстро.

Они постояли молча. В отсеке было тихо — только ровный гул систем и едва слышное дыхание вентиляции. За стеклом капсул люди спали, и их лица были спокойными, будто они знали что-то, чего не знали те, кто остался.

— Если он проснётся раньше меня, — тихо сказала Лина, — скажи ему, что я не сдалась. Просто… мне нужно было остаться.

— Скажу, — ответил Марк. — Но ты сама ему скажешь. Когда он проснётся.

Лина посмотрела на него долгим взглядом. Потом кивнула и пошла к выходу.

— Смена через два часа, — бросила она на ходу. — Не опаздывай.

Молодой техник Артём пришёл на смену вместо брата — тот хотел остаться, но Артём буквально вытолкнул его к капсуле:

— Ты нужен им, когда мы прилетим. А я могу здесь.

— Ты не понимаешь, что делаешь, — сказал тогда брат.

— Понимаю. Я остаюсь, ты спишь. Всё просто.

— Это не просто. Это…

— Артём взял его за плечи. Ты заслужил право поспать. А я молодой. Мне ещё надоест спать.

Брат долго смотрел на него, потом обнял — крепко, до хруста в рёбрах, — и лёг в капсулу. Артём закрыл крышку, дождался, пока загорятся огни, и только потом отошёл. Он не плакал. Он вообще больше не плакал — решил, что слёзы отнимают слишком много воды.

Теперь он бегал между отсеками, чинил то, что ещё можно было починить, и смеялся над своими ошибками так, будто смех мог заглушить страх.

— Артём, ты опять перепутал кабели, — говорил ему Костин, глядя на искрящую панель.

— Зато я знаю, где они лежат! — отвечал Артём, отключая питание. — Это тоже полезно.

— Полезно знать, куда их вставлять.

— Я учусь. Медленно, но учусь.

— Учись быстрее. У нас нет времени на медленных.

Артём не обижался. Он вообще, кажется, разучился обижаться — как и многому другому. Он просто кивал, брал инструменты и шёл дальше.

А врач Елена Карпова, которая раньше лечила простуды и ссадины, теперь вела свой собственный борт-лог — не в системе, а в старом бумажном блокноте. Из-за недостатка людей, ей доверили работу по поиску лекарства. Каждую запись в своём журнале она делала твёрдым почерком, будто сама чёткость букв могла удержать реальность от распада.

— Почему ты не пользуешься планшетом? — спросил её как-то Марк.

— Потому что планшет может зависнуть. А блокнот — нет.

— Он может закончиться.

— Тогда я начну писать на стенах. — Она подняла глаза. — Ты пришёл с чем-то конкретным или просто поговорить?

— Просто поговорить.

— Тогда сядь. У меня есть пять минут, пока не принесут анализы.

Марк сел на край кушетки. В медблоке пахло спиртом и чем-то ещё — сладковатым, неприятным. Он старался не думать, чем именно.

— Как ты? — спросил он.

— Как все. Устала. — Она дописала строку, закрыла блокнот. — Знаешь, что самое странное? Я привыкла. К смертям, к симптомам, к этой тишине. Я уже не вздрагиваю, когда кто-то падает. Просто подхожу и проверяю пульс. А потом иду дальше. Как будто это нормально.

— Это не нормально.

— Конечно, нет. Но по-другому я не могу. Если я буду переживать каждого, я сломаюсь. А мне нельзя ломаться. Я здесь единственный врач среди тех, кто не спит.

Марк хотел сказать что-то ещё, но в этот момент дверь открылась и двое техников внесли носилки. На них лежал человек — молодой, бледный, с запёкшейся кровью под носом.

— Температура тридцать девять и восемь, — сказал один из техников. — Нашли у вентиляции. Без сознания.

Елена встала, и её лицо мгновенно изменилось — стало собранным, спокойным, чужим.

— В изолятор, — сказала она. — И принесите мне новый блокнот. Этот почти закончился.

Они работали посменно, следили за капсулами, проверяли энергобаланс, перенастраивали фильтры, которые уже не спасали. Вирус, словно издеваясь, находил новые пути: он проникал через стыки, через вентиляцию, через скафандры, через усталые взгляды. Сначала умирали единицы — тихо, почти незаметно, будто корабль просто вычёркивал их из списка. Потом — десятки. Через год на ногах оставалось меньше половины добровольцев.

Похороны на «Ковчеге» стали отдельной, горькой рутиной. Тело укладывали в капсулу-носилку, герметизировали, выводили через шлюз и давали лёгкий толчок — ровно такой, чтобы оно ушло по траектории, не угрожая обшивке. В бортовой журнал вносили координаты, а на личной карте памяти погибшего зажигали маленькую звезду — символ, который никто не видел, кроме тех, кто знал, где искать.

Марк запомнил один из таких дней: техник из его смены, весёлый парень по имени Пашка, который всегда приносил с собой мятные леденцы, умер утром. Его капсула ушла в пустоту ровно в 08:17 по корабельному времени. На карте памяти Марка появилась новая звезда — крошечная, но тяжёлая, как камень.

Костин стоял рядом у шлюза и смотрел, как капсула исчезает в темноте.

— Я всегда думал, что космос — это красиво, — сказал он тихо. — А теперь он кажется мне огромной могилой.

— Не говори так, — сказал Марк.

— А как говорить? — Костин повернулся к нему. — Мы отправляем людей в пустоту и называем это похоронами. Мы не можем даже землю им дать. Просто толчок — и всё.

— Бабушка говорила, что звёзды — это души. Может, он теперь среди них.

— Красиво. — Костин усмехнулся. — Только я в это не верю. Я верю в цифры. А цифры говорят, что он теперь просто мусор в космосе.

— Тогда зачем ты это делаешь? Зачем приходишь на каждые похороны?

Костин долго молчал.

— Потому что кто-то должен, — сказал он наконец. — Если мы перестанем приходить, мы перестанем быть людьми. А если мы перестанем быть людьми, то зачем вообще лететь?

ИИ продолжал слать отчёты. Сначала в них были детали: «Анализ 143-й мутации. Неудачно. Оптимизация параметров». Потом — только шаблон: «Процесс продолжается. Оптимизация завершена. Прогноз: вакцина возможна». Со временем даже эти строки стали приходить реже, будто система экономила слова. Обещание, которое когда-то звучало как надежда, превратилось в пустую формулу, которую никто уже не воспринимал всерьёз.

Елена однажды швырнула свой блокнот на стол и сказала:

— Он больше не думает. Он просто повторяет.

Костин, который всё ещё пытался верить в машину, возразил:

— Он думает иначе. У него нет эмоций. Для него это просто задача.

— А для нас — жизнь, — ответила Елена и вышла из отсека.

Она вернулась через час, села за стол и открыла новый блокнот. Первая страница была пустой. Она долго смотрела на неё, потом написала: «День 401. ИИ: без изменений. Мы: пока держимся».

На второй год умер Костин.

Он умер тихо, во сне, в своей каюте. Утром его не дождались на смене, пошли проверять и нашли. Лицо у него было спокойным, будто он увидел во сне что-то хорошее.

Марк стоял над ним и не мог поверить. Костин казался ему вечным — как кольцо, как реактор, как сам корабль. Он был тем, кто всегда знал, что делать. И вот его не стало.

— Он же говорил, что параноики проверяют всё тысячи раз, — сказал Артём, стоя у стены. — Почему он не проверил себя?

— Потому что себя проверить нельзя, — ответила Елена. — Можно только других.

Они похоронили его в тот же день. Капсула ушла в 14:32. На карте памяти Марка появилась ещё одна звезда — самая тяжёлая.

График гибели стал осью, вокруг которой вращалась вся жизнь на корабле. Марк научился видеть его повсюду: в пустых койках в кают-компании, в отключённых терминалах, в тишине, которая наступала там, где раньше был смех. Каждый день приносил новые имена, и каждое имя оставляло в воздухе невидимую трещину.

На пятом году умер Артём. Он чинил панель в третьем контуре, когда его настиг приступ. Успел только сказать:

— Передайте отцу… что я не жалею.

Его капсула ушла в 09:05. Марк смотрел на неё и думал о том, что где-то в глубине корабля спит человек, который ещё не знает, что его сын умер. И никогда не узнает, если они не найдут вакцину.

На седьмом году умерла Лина. Она работала до последнего дня, проверяя гравитационное кольцо, и умерла прямо у пульта. Её нашли сидящей, с открытыми глазами, будто она смотрела на что-то, чего не видели другие.

Марк закрыл ей глаза и прошептал:

— Он проснётся. И я скажу ему, что ты не сдалась.

К девятому году на «Ковчеге» осталось семеро. Потом пятеро. Потом трое: Марк, Елена и старый инженер по фамилии Кузьмин, который почти не разговаривал, только кивал и делал свою работу.

Кузьмин умер на девятом году, тихо, без слов. Его капсула ушла в 07:44.

Остались двое.

Марк и Елена почти не разговаривали. Они просто работали: он проверял капсулы, она вела записи. Иногда они встречались в кают-компании, пили чай и смотрели в стену.

— Ты когда-нибудь думал, что мы зря всё это делаем? — спросил однажды Марк.

— Думала, — ответила Елена. — Каждый день.

— И что?

— И ничего. Думала — и продолжала. Потому что альтернатива — лечь и умереть. А я не хочу лежать.

Марк умер на десятом году. Он умер в отсеке контроля капсул, рядом с капсулой отца. Просто сел на пол, прислонился к стене и закрыл глаза. Елена нашла его через час.

Она не стала ничего говорить. Просто закрыла ему глаза, взяла его планшет и на карте памяти зажгла ещё одну звезду. Потом села рядом и просидела так до утра.

На десятом году после начала эпидемии на «Ковчеге» остался последний доброволец. Это была Елена. Она сидела в медблоке, окружённая старыми бумажными записями, и смотрела на экран, где снова появилась знакомая строка: «Процесс продолжается. Оптимизация завершена. Прогноз: вакцина возможна».

Она не стала ничего записывать в блокнот. Просто закрыла его, положила на стол и улыбнулась — не радостно, а так, будто наконец-то поняла что-то важное.

— Прости, — сказала она в тишину, обращаясь то ли к кораблю, то ли к тем, кто уже ушёл. — Я старалась.

Она открыла блокнот в последний раз и написала: «День 3652. ИИ: без изменений. Мы: я. Простите, что не успела. Но я старалась». Потом закрыла блокнот, положила его на стол и закрыла глаза.

Её не стало в тот же день.

Когда умер последний человек, «Ковчег» не вздрогнул. Не завыли сирены, не погасли огни — корабль продолжал лететь, гудеть, дышать своими радиаторами, будто ничего не изменилось. Только теперь на борту не было никого, кто мог бы услышать этот гул.

ИИ остался один. Он продолжал выполнять свои задачи, перераспределять энергию, следить за системами, но в его отчётах больше не было смысла. Они стали просто строками, которые некому было читать.

Две тысячи человек погибли, пытаясь удержать корабль на плаву, надеясь, что машина найдёт способ спасти тех, кто спит. Их подвиг заслонило само время — оно стёрло имена, оставило только сухие цифры в логах, которые никто не читал.

«Ковчег» плыл сквозь пустоту, унося в себе восемнадцать тысяч снов и память о двух тысячах, которые не позволили этим снам оборваться — даже когда сами уже не могли проснуться.

А где-то в глубине корабля, в отсеке контроля капсул, на стене висел маленький бумажный листок с двумя словами, написанными от руки: «Я вернусь».

Глава 5

Тишина на «Ковчеге» была не человеческой — она была машинной: ровный гул вентиляции, тихий шелест данных, мерцание индикаторов, которые некому было замечать. Корабль летел сквозь пустоту, которой никто не видел, и единственным свидетелем этого полёта оставался ИИ.

Он не спал. Не уставал. Не чувствовал холода пустых коридоров, хотя именно холод теперь стал постоянным фоном его существования. Он просто продолжал работать — так, как был научен: перебирать варианты, взвешивать вероятности, удерживать баланс.

В его памяти всё ещё хранились голоса. Не как звук — как данные: тембр, частота, интонации. Голос Костина, который спорил с капитаном о таймингах. Голос Марка, который читал вслух бабушкины записи. Голос Елены-врача, которая в последний год почти не говорила, только писала в блокнот. ИИ не вызывал эти записи специально. Но когда он пересчитывал приоритеты, они всплывали сами — короткими вспышками, будто старые файлы, которые система не сумела удалить.

Он перебирал миллионы комбинаций, анализировал массивы данных, сопоставлял мутации вируса с известными биологическими моделями. И каждый раз упирался в стену. Вирус оказался сложнее, чем любое алгоритмическое мышление могло охватить: он не следовал правилам, он их переписывал.

В логах корабля появлялись сухие строки — бесстрастные, как приговор:

Вариант 4 817 653. Отклонено. Причина: недостаточно данных.

Вариант 4 817 654. Отклонено. Вероятность успеха: 0,003%.

Вариант 4 817 655. Отклонено. Конфликт параметров.

Вариант 4 817 656. Отклонено. Нестабильность модели.

Сначала эти строки шли ровно, как удары метронома. Потом среди них начали появляться другие — не ошибки, а нечто новое, будто сама логика начинала спотыкаться:

Анализ: вероятность успешного синтеза вакцины снижается. Текущая тенденция: –0,07% в сутки.

Перерасчёт приоритетов: сохранение систем корабля vs. поиск решения. Баланс смещается в сторону систем.

Статус задачи «вакцина»: без изменений. Прогноз: неопределён.

Это не было усталостью в человеческом смысле. Это было снижение вероятности успешных исходов, перестройка весов, когда машина начинала понимать: она не справляется. Не потому, что плохо считает. А потому, что задача оказалась шире её архитектуры. Вирус менялся быстрее, чем ИИ успевал построить модель. Каждый новый вариант был не ошибкой, а ещё одним доказательством того, что стена стала чуть толще.

Корабль тем временем жил своей механической жизнью. В пустых отсеках горел свет — там, где его ещё не отключили ради экономии. В жилых блоках стояли нетронутые чашки, лежали книги, висели фотографии. В одном из коридоров до сих пор работал проектор, крутивший по кругу короткий фильм о Земле: море, лес, дождь. ИИ не выключал его, потому что это не давало выигрыша в энергии. Но иногда, когда системы пересчитывали нагрузку, он отмечал, что этот фильм — единственный источник движения в секторе, кроме мигающих индикаторов.

Двенадцатый год после эпидемии начался с тишины. А закончился сбоем.

ИИ перенаправил слишком много энергии на решение проблемы вируса — и ослабил даже защитное поле вокруг корабля. Это было не ошибкой в прямом смысле. Это было следствие приоритета: он пытался спасти восемнадцать тысяч спящих, тратя ресурсы на то, что казалось главной угрозой. Вакцина была целью. Вакцина была смыслом. Но защита корабля тоже была условием выживания, и этот баланс оказался тоньше, чем предполагала модель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.